

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

НИЗАМИ И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

(к 800-летию юбилею)

В 1941 г. советскому востоковедению предстоит отметить две знаменательные юбилейные даты: восьмисотлетие со дня рождения великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами и пятисотлетие со дня рождения великого узбекского поэта и ученого Навои. Эти празднества, как и прошедший уже юбилей Руставели, имеют большое значение для нашей страны. Родина наша не знает разницы между обитающими в ней народами. Все мы связаны одной любовью к нашей Великой стране, в которой навсегда уничтожены капиталистическое рабство и эксплуатация. Поэтому такой культурный праздник, как чествование памяти великого художника, у нас не может быть делом какой-нибудь одной республики. Это — праздник для всех, ибо то, что дорого одной республике, дорого и всем остальным братским республикам. Отсюда возникает трудная, но почетная для нас, советских востоковедов, задача — нам нужно помочь всей стране принять участие в этом деле. Задача эта трудна, ибо при всех достижениях нашего востоковедения для популяризации знаний о прошлом наших восточных республик пока сделано еще далеко недостаточно.

Для нас юбилей того или иного поэта не сводится к тому, чтобы устроить торжественное заседание, произнести две-три эффектных речи и, затем, забыть юбиляра на сто лет. Во время юбилея мы должны всесторонне показать автора, память которого мы чествуем. Мы должны исследовать его творчество, причем, в подавляющем большинстве случаев, исследование приходится вести почти заново. Это, в особенности, относится к литературам Востока, ибо старое, оставшееся нам в наследство востоковедение этой области уделяло меньше всего внимания. Это и понятно, так как изучение языка, изучение истории в прошлом преследовало практические, колониальные цели; дореволюционное востоковедение должно было способствовать «освоению» колоний на Востоке.

Изучение литературы можно поставить правильно, на научные рельсы лишь в том случае, если мы признаем за этой литературой социальную значимость, культурную общечеловеческую ценность, если мы будем смотреть на нее, как на выражение социальной, классовой борьбы в странах Востока.

Наш подлинно научный подход к изучению литератур народов Востока обеспечивает нам то, что каждому юбилею сопутствует глубокая исследовательская работа, обогащающая наши знания литературного творчества

народов Востока. Это блестяще доказали проведенные нами юбилеи Фирдоуси и Шота Руставели; мы можем совершенно спокойно сказать, что оба эти юбилея заставили нас пересмотреть целый ряд вопросов, заставили по-новому подойти к изучению литератур Востока и оставили значительный след в нашей науке.

Настоящая статья не ставит себе задачу исчерпать столь грандиозную тему, как характеристика одного из великих поэтов. Эту тему, пожалуй, не исчерпает до конца даже и весь комплекс работ, которые намечено провести к 1941 г. Задача ее — показать, в каком состоянии находится сейчас вопрос о Низами, что уже сделано и что нами может быть сделано в области исследования его творчества. Вместе с тем, она, быть может, окажется полезной читателям, желающим в общих чертах ознакомиться с великим азербайджанским художником слова.

I

Великий азербайджанский поэт Низами родился в 1141 г. в городе Гандже (ныне Кировабад), входившем в состав Азербайджана. Ганджа лежала на самой окраине мусульманского мира; в конце XI в. она даже вошла в состав Грузии и оторвалась от нее только в середине XII в. Таким образом Низами родился и всю свою жизнь прожил на стыке двух культур — культуры западно-византийской и восточно-мусульманской. Это обстоятельство накладывает на все его творчество совершенно особый отпечаток, несколько отделяя его от современных ему поэтов Ирана, но зато сближая его с творчеством Руставели. Не нужно забывать, что Низами не только его современник; он и жил в самой непосредственной близости от великого грузинского поэта.

В XII в. почти на всей территории, на которую распространялось влияние ислама, основным литературным языком был язык наиболее блестящих феодальных дворов Бухары и Хорасана — персидский. Поэтому, вполне понятно, что Низами, живший в районе, с давних времен подвергавшемся сильному воздействию персидской культуры, свои бессмертные произведения создал на персидском языке. Однако, несмотря на это, он не принимал участия в отчаянных попытках аристократии отвоевать себе власть у турков. Хотя он и использует многое из старого иранского эпоса, но подходит к его преданиям критически и решительно отказывается от традиций, которые закрепляло знаменитое «Шах-намэ» Фирдоуси.

Слава Низами покоится на «Пятерице» («Хамсэ») — пяти больших поэмах, которые, однако, между собой связи не имеют и лишь позднее были объединены вместе неизвестным нам редактором. Из этих поэм три — романтического характера и воспевают любовь в разных ее проявлениях, две — дидактические, причем одна с налетом мистики, другая с уклоном в героику. Во всех этих поэмах главное внимание автора устремлено на психологию его героев. Низами — великий психолог, страстно любящий человека и без усталости его изучающий. Поэмы согреты величавым гуманизмом, высоко поднимающим автора над уровнем тогдашней феодальной аристократии, жившей преимущественно в атмосфере непрерывных междоусобиц, походов и грабежей. Большое место в поэмах занимают женские образы. Низами сумел преодолеть собственническое отношение мусульманской аристократии к женщине. В образе царевны Ширин он показал женщину не только в роли любовницы или хозяйки, а женщину — соратника, женщину, способную вдохновить своего избранника на подвиг. Конечно, Низами не мог пойти так далеко в этом рыцарском культе, как Руставели, и это объясняется все же влиянием среды.

Низами был широко знаком со всеми литературными произведениями, существовавшими в его время. Он широко пользуется арабской литературой, основательно знаком с тематикой доисламского Ирана. Но, можно думать, что и фольклор тоже привлекал его внимание. Правда, в основе его тематики почти всегда лежат письменные источники, но есть целый ряд признаков, говорящих за то, что одними этими источниками он не ограничивался, а прибегал и к вечно живой струе народного творчества. Именно это позволило ему не впасть в ту схоластическую сухость, которая стала такой характерной чертой позднейшего кабинетного, оторвавшегося от масс творчества персидских поэтов. Он в совершенстве владеет приемами сказки, умеет самый фантастический сюжет подать в обрамлении, придающем ему почти осязательную реальность.

Помимо всего этого, Низами еще и величайший мастер языка. Богатство его словаря неисчерпаемо. Этот язык блещет и переливается всеми цветами радуги, ослепляет и на первых порах подавляет читателя. За ним упрочилась слава одного из труднейших поэтов. Это верно — Низами читать нелегко. В отличие от поэтов Переднего Востока послемонгольского периода он труден не потому, что хотел быть трудным, а лишь в силу богатства своего языка, своих познаний. Многие вызывает у нас сейчас большие затруднения не в силу запутанности, неясности, а потому, что нам далеко до того обилия познаний в области схоластических наук той эпохи, которыми обладал Низами. Понимать его отчетливо можно также лишь при условии уяснения себе всей материальной и духовной культуры его эпохи. Нужно почувствовать эту эпоху, заставить ее ожить перед своими глазами и тогда многие трудности разрешатся сами собой. Задача эта нелегка. Для успешного ее разрешения необходимо соединение трудов не только историков и филологов, но и историков материальной культуры и археологов; она требует, в соответствии с тем культурным кругом, в котором вырос Низами, объединения целого ряда дисциплин. Нужно помнить, что ярко выраженный отпечаток мусульманских традиций лежит на Низами в такой же мере, как и на творчестве Руставели; однако никому не придет в голову отрывать Руставели от культурного круга Кавказа.

II

Таким образом нет и не может быть сомнений в том, что задача изучения Низами — задача достойная, заставляющая затронуть ряд интереснейших и важнейших проблем, но вместе с тем и крайне сложная. Попробуем сейчас набросать беглый обзор того, что уже сделано востоковедением для разрешения этой задачи и, в связи с критической оценкой сделанного, уяснить себе, какие основные проблемы требуют разрешения в первую очередь и могут быть фактически разрешены в ближайшие годы.

Востоковедение всего мира давно признало исключительную ценность творчества Низами. В любом обзоре истории персидской литературы оценка ему дается в панегирических тонах. Однако при всем том внимательное изучение этих оценок вызывает опасения, что очень многие, если не большинство этих исследователей, с подлинными произведениями Низами знакомы лишь в лучшем случае, по отдельным отрывкам, а чаще всего говорили о них с чужих слов, только развивая и дополняя высказанную кем-либо уже ранее мысль.

Нужно сказать, что ознакомление с подлинным Низами прежде всего требовало и требует надежного критического издания текста. Однако при всем огромном значении Низами до самого последнего времени такого текста большей части его поэм не существовало.

Это, в сущности говоря, не удивительно. В отношении издания классиков Востока до сих пор наука особых успехов еще не достигла. Первые попытки издания, начавшиеся в XIX в., обычно строились на рукописи, по той или иной причине доступной издателю, без какого-либо критического отбора. По мере выхода в свет каталогов рукописных собраний, отношение к материалу меняется. Издатели стремятся использовать наиболее полную рукопись, наивно забывая о деятельности интерполяторов. В последней четверти XIX в., наконец, им становится ясно, до какой степени шаткий материал представляют собою эти «полные» рукописи, в которые из-за «вольных и невольных» погрешностей переписчиков внесены строки авторов, подчас разделенных несколькими веками.

Начинаются поиски критерия для установления подлинности текста. Однако критерий этот не найден и поныне. Совершенно очевидно, что никакие эстетические оценки этого критерия дать не могут, так как для установления его требуется прежде всего достичь полной ясности относительно стилистических факторов определенных исторических эпох и районов, что пока еще никем не сделано. Неправильное представление о неизменности персидского литературного языка на всем протяжении его развития от X до XX в. явилось здесь задерживающим фактором, помешавшим созданию ряда предварительных этюдов по языку отдельных авторов, которые могли бы подготовить почву и для более крупных трудов историко-сравнительного характера.

В настоящее время единственным выходом пока остается отыскание наиболее древней рукописи текста, менее всего загроможденной интерполляциями. Но этот подход для целого ряда памятников представляет непреодолимые трудности. Дело в том, что рукописей на персидском языке, переписанных до монгольского нашествия, до нас почти не дошло. Поэтому для авторов домонгольского периода в лучшем случае приходится пользоваться рукописями XIV в. Но, во-первых, их очень мало, во-вторых, они разбросаны по всему миру и, в-третьих, они обычно уже содержат как искажения, так и интерполляции.

Так, если мы обратимся к лучшим рукописям Низами, имеющимся в ленинградских библиотеках, то получим такое соотношение: из имеющихся в нашем распоряжении датированных рукописей лишь одна — XIV в. (Библиотека Ленинградского Государственного университета), пять относятся к XV в., семь — к XVI в., остальные значительно молже. Сравнение текста этих рукописей с тремя рукописями XIV в. (две из *Bibliothèque Nationale* в Париже и одна из Бодлеяны в Оксфорде) показало, что: 1) хотя интерполляций в рукописях XIV в., конечно, меньше, но они все же есть; 2) иногда более поздние рукописи дают значительно лучшее чтение, чем старые. Это, конечно, не удивительно, так как самая новая рукопись может случайно восходить к лучшему образцу, чем наиболее старая. Стать на путь объединения в с е х рукописей, изучения их взаимоотношения и последующего отбора пока совершенно немислимо, так как при огромном количестве рукописей, их разбросанности и отсутствии надежного описания всех фондов такую работу не мог бы осуществить никто.

Работа над текстом Низами показала очень любопытное явление. Смысл строки большей частью может быть фиксирован довольно точно. Но словесное оформление в разных списках настолько расходится, что в некоторых строках мы получаем по варианту на каждое слово строки. Какой из этих вариантов предпочесть? Думаю, что пока дать уверенный ответ на этот вопрос не сможет никто. Для этого нужно проделать большую работу по словарю Низами, с помощью которой и можно будет определить его излюбленные обороты и основной запас его лексики. До осуществления этой работы всякое издание текста, при всей тщательности, все

же будет покоиться на критериях субъективных, а следовательно, и шатких.¹

Старейшей из известных нам попыток издания значительных отрывков из текста Низами является книга L[udwig] H[ain] «Nizami Poetae Narrationes et Fabulae persice ex codice nunc primum editae subiuncta versione latina et indice verborum» (Лейпциг, 1802). Издатель не говорит в своем кратком предисловии, каким материалом он пользовался; выбор текста он оправдывает словами Хафиза:

ز نظم نظامی که چرخ کهن * ندارد چو او هیچ زیبا سخن²

Книга содержит все двадцать притч «Махзан ал-асрар» в тексте и переводе. Приложен глоссарий тех слов, которых не содержится в словаре Менинского. Как текст, так и перевод для того времени сделаны неплохо, но, конечно, в настоящее время это издание интересно лишь для истории науки.

В 1844 г. английский востоковед N. Bland выпустил в свет персидский текст первой поэмы «Махзан ал-асрар». ³ Bland дал сравнительно неплохой текст, однако еще весьма далекий от требований, которые мы можем сейчас предъявить к критическому изданию. Во-первых, использовать при большом обилии рукописей Низами только одну, хотя бы и старую рукопись уже само по себе было опасно. Затем остается неясным, пользовался ли Bland существующими к этой поэме комментариями. При работе над готовящимся сейчас новым изданием текста Bland учитывается. Однако можно отметить, что пока ни в одном из затруднительных случаев это издание существенной помощи не принесло. Более того, в ряде мест можно констатировать явное непонимание издателем текста, отмечены случаи, когда строки попадали явно не на свое место. Принимая во внимание крайнюю трудность именно этой поэмы, можно, конечно, сказать, что он проделал весьма серьезную для того времени работу. Все же критическим это издание ни в какой мере названо быть не может и замена его более совершенным технически текстом настоятельно необходима.

Восемь лет спустя известный востоковед Sprenger выпустил в Калькутте вторую часть «Поэмы об Александре» — «Хирад-намэ». ⁴ На каком тексте покоится это издание — неизвестно. Так как кое-где приведены разночтения, то, видимо, у издателей была не одна рукопись; но что это за рукописи, неизвестно, ибо нет ни предисловия, ни каких-либо иных указаний. Повидимому, это все должно было быть сосредоточено во втором выпуске, который, насколько мне известно, света не увидел. Поэтому текст, хотя в основном и неплохой, все же документальной силы не имеет и удовлетворить современным требованиям не может.

После этого в работе над текстом Низами наступил длительный перерыв, затянувшийся на многие годы. В 1924 г. Ю. Н. Марр опубликовал ряд фраг-

¹ Из сознательных искажений любопытный образец представляет бакинская рукопись XVI в., где каким-то ревностным шиитом тщательно изъяты все суннитские обороты, а имена халифов Омара и Османа там, где это было возможно, заменены именами шиитских имамов.

² Перевод: «Из стихов Низами, подобных которым прекрасных слов не имеет ветхий небосвод». Бейт этот, помещаемый европейскими изданиями в «Sāqīnāma», Хафизу не принадлежит. Ср.: Sa'yūd 'A bdu rrahmān Xalxālī. Divān-i xwāja Ḥāfiz-i Širāzī. Tihān, 1306, прилож., стр. 70, строка 99.

³ N. Bland. Makhzan ul-asrar. The Treasury of Secrets; being the first of the five Poems or Khamsah of Sheikh Nizami. Edited from an ancient Manuscript by. . . (Soc. for the Publ. of Oriental Texts. X). London 1844.

⁴ Khirad-nāmāhē Iskandary also called The Sikandar-nāmahe Bahry by Nitzāmy. Ed. by Dr. A. Sprenger and Aga Mohammed Shooshteree, Fasc. I. Bibliotheca Indica, XVI, 43, Calcutta, 1852.

ментов лирики Низами по рукописным материалам Библиотеки Института востоковедения Академии Наук СССР.¹ Так как до тех пор о лирике Низами приходилось судить главным образом по одному небольшому отрывку, сохраненному у Доулетшаха,² то это издание, хотя оно и покоится на сравнительно не старых рукописях, все же для изучения Низами представляло большую ценность.

В 1934 г. чехословацкий востоковед J. Рурка при участии Н. Ritter выпустил, наконец, еще один том, а именно: «Хафт Пейкер» («Семь портретов»)³. Это издание с полным правом можно назвать прекрасной критической работой. Составители использовали лучшие рукописи европейских книгохранилищ и стамбульских библиотек и смогли дать текст, который, повидимому, крайне близок к той форме, в которой он был известен вскоре после смерти поэта и, во всяком случае, точно воспроизводит традиции XIV в. Этот текст уже дает возможность спокойно вести дальнейшую работу.

В 1935 г. тот же востоковед в тегеранском журнале «Армаган» (т. XVI, вып. 1) дал прекрасное издание и разбор текста 25 газелей Низами. Текст взят из рукописного кодекса библиотеки Ая-Софии в Стамбуле (п-2051), датированного 730 г. х. Это издание значительно дополняет первую попытку Ю. Н. Марра, в издании которого, в виду характера самих источников, многие отрывки носили лишь фрагментарный характер. Объединив издания Ю. Н. Марра и J. Рурка, мы уже получаем около 650 строк текста лирики, что более или менее позволяет судить о характере лирического творчества Низами.

Наконец, с 1935 г. в Иране взялся за издание полной «Хамсы» известный поэт, большой знаток литературы, издатель журнала «Армаган» («Подарок»), Вахид Дестгирди. Кроме вышедших в свет шести томов, охватывающих собой всю «Хамсу», в недавнее время Библиотекой Института востоковедения Академии Наук СССР получен последний, заключительный том, который содержит ни разу не появлявшийся в печати полностью лирический диван Низами, а также посвященное его жизни и творчеству исследование.

Вахид проделал большую работу. Изданный им текст безусловно очень поможет в дальнейшей работе. Но, к сожалению, критическим это издание все же назвать нельзя.

Для издания было использовано 30 рукописей периода XIV—XVII вв., хранящихся в иранских библиотеках. Описания рукописей издатель не дает; сколько рукописей относится к XIV в., а сколько к остальным векам—неизвестно. Не приводится и разночтений; только кое-где в самом тексте, в скобках, или под строкой, приводятся варианты. Но поскольку читатель не знает, к какому веку относятся рукописи, из которых почерпнуты эти варианты, историческая перспектива отсутствует, и решить, какое из чтений следует предпочесть, делается совершенно невозможным. Сличение текста Вахида с нашими рукописными материалами показало, что его исключительное знание литературы позволило ему прекрасно разобраться в труднейших местах. Есть, однако, случаи, когда ни одна из наших рукописей предложенных им чтений не дает, и возникает предположение, не являются ли они конъектурами издателя. Такой прием вполне допустим в научном издании, но оговорить его все же следовало. Наконец, можно

¹ Газели и руба'и Низами, приведенные в хафт иклим. Доклады Российской Академии Наук, сер. Б, 1924, стр. 90. — Касыда Низами в рукописи Азиатского музея, там же, стр. 94. — Газель Низами в рукописи Азиатского музея, там же, стр. 51.

² The Tadhkiratu' sh-shu'arā (ed. Browne), стр. 129. Сравнительно неплохой перевод этого отрывка у J. v. Hammer, «Geschichte der schönen Redekünste Persiens» (Wien, 1818, стр. 105).

³ H. Ritter und J. Rurka. Heft Peiker, ein romantisches Epos des Nizami Cengēi herausgegeben von... Praha, 1934 (Monografie Archivu Orientalního, v. III).

заметить, что в целом ряде случаев старые рукописи позволяют улучшить чтение. Требуется и исправление некоторых недосмотров.¹

Благодаря прекрасному знанию языка, исключительной начитанности и хорошему вкусу, Вахйду удалось дать очень неплохой текст поэм великого поэта. Но ведь дело не в том, чтобы иметь эстетически удовлетворительную редакцию. Текст нужен документальный. Нужно помнить, что это прежде всего исторический памятник и так нужно к нему и подходить. Текст имеет свою историю, а эта история здесь от читателя скрыта, в результате чего критические суждения крайне затрудняются.

Большую ценность представляют примечания к тексту, раскрывающие наиболее трудные строки Низами. Здесь издателем и его сотрудниками проделана громадная и плодотворная работа, которая значительно облегчит задачу дальнейшим исследователям.

Правда, при всем моем уважении к исключительным знаниям Вахйда в области литературы, я с некоторыми из этих толкований позволю себе не согласиться, но это все же ни в какой мере не может влиять на оценку проделанной им работы.

Таким образом мы можем прийти к следующему общему выводу из обзора существующих изданий. Как это ни печально, но кроме поэмы «Хафт Пейкер», текст которой, однако, тоже позволяет внести еще ряд исправлений, все остальные поэмы требуют еще одного, в полном смысле слова, критического издания. Работа за с осени 1939 г. уже ведется Институтом им. Низами в Баку. В настоящее время уже проделана значительная ее часть. Конечно, считать, что теперь можно будет уже составить окончательный текст Низами, еще нельзя, но, тем не менее, несмотря на значительную трудность этой работы и крайне напряженный темп, в котором ее приходится вести, удалось достичь наиболее правильного чтения ряда мало понятных мест. Самое же главное достоинство этой работы в том, что она дает текст, покоящийся на твердо датированных рукописях, и тем самым мы получаем возможность исторически подойти к критике текста.

III

Переходя к переводам, придется сказать, что и здесь картина не более утешительна. За переводы английское востоковедение тоже взялось давно. Еще в 1836 г. Atkinson опубликовал имевший большой успех и переизданный затем перевод «Лейли и Меджнун».² Перевод этот крайне неточен, местами грубо ошибочен и сейчас может иметь интерес (только исторический).

Еще до этого казанский профессор Ф. Эрдманн опубликовал тексты и переводы отрывков из Низами. В 1826 г. вышел рассказ о борьбе Искандера с русами,³ которым издатель интересовался, главным образом, как источником для истории русских племен.

¹ На часть их уже указал сам издатель в статьях в журнале «Армаган». Укажу еще, что, как замечено А. А. Ромаскевичем, в «Махзан ал-асрар» бейты 415/6 повторены как 457/8.

² J. A t k i n s o n. Laili and Majnūn; a Poem from the original of Nizami. London, 1836; 2-е изд., там же, 1894; 3-е изд., там же, 1905.

³ F. v. E r d m a n n. De Expeditione Russorum Berdaam versus Kazan, 1926. Этому же отрывку посвящена работа: С h a r m o y. Expédition d'Alexandre contre les Russes. St. Pétersbourg, 1829. — Сравнительно недавно вышел стихотворный немецкий перевод этого же отрывка известного ориенталиста G. Jacob «Iskenders Warägerfeldzug. Ein iranischer Heldensang des Mittelalters aus Nizāmī's Iskendername im Auszug metrisch nachgebildet. Glückstadt, s. a.». К названным выше работам примыкает уже лишенная значения книжка М. Тебенькова «Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами и поэма „Искандер-намэ“ — Низами, как источник для характеристики этих сношений» (Тифлис, 1896). Автор, видимо, языком не владел и всецело полагался на Шармуа.

Видимо, эти же соображения заставили его опубликовать текст и перевод рассказа о славянской царевне.¹ Хотя в распоряжении Эрдманна было восемь неплохих рукописей, но недостаточное знакомство его со стилем закавказской поэзии XII в. заставило его наделать как в тексте, так и в переводе множество ошибок, которых сейчас не сделал бы и начинающий востоковед.² Таким образом оба эти издания сейчас являются только памятником заслуживающих уважения добрых намерений, но использованы в работе не могут быть.

В 1881 г. N. W. Clarke опубликовал перевод первой части «Искендернамэ».³ Этой книги у меня в руках не было. Но если судить по переводу Хафиза,⁴ выполненному тем же автором, и по курьезной ошибке уже в самом переводе заглавия книги, едва ли работа может считаться ценным вкладом в науку.

Небольшие отрывки из разных поэм появились в переводе на немецкий язык в сборнике образцов персидской поэзии J. Hart⁵ и в итальянском переводе в очерках по истории персидской литературы J. Pizzi.⁶ Серьезного научного значения все эти, в основном рассчитанные на широкий круг читателей, переводы не имеют.

В 1924 г. Wilson выпустил прозаический перевод «Хафт Пейкер» с комментариями.⁷ Эта работа сделана тщательно и заслуживает внимания. Вся ее беда только в том, что переводчик не имел критического издания текста, а потому и не был в состоянии справиться с рядом возникших у него трудностей. После выхода критического издания текста работа эта требует весьма значительных изменений и дополнений.⁸

Переходя к переводам на русский язык, отмечу, что ни одного полного перевода до сих пор не появлялось. Выпущены стихотворные переводы небольших отрывков из «Хосров и Ширин» (Е. Дунаевский)⁹ и «Лейли и Меджнун» (А. Глоба).¹⁰

Не касаясь здесь поэтических достоинств этих переводов, замечу только, что в смысле точности передачи оригинала они оставляют желать многого. Низами не только глубокий и богатый содержанием поэт. Он также величайший мастер поэтической техники, поднявший ее на сказочную высоту. Сохранить и глубину содержания и изумительное совершенство формы мог бы только такой переводчик, который равен по своему мастерству этому великому поэту. Боюсь, что это условие трудно осуществимо. Поэтому стихотворные переводы никак не могут полностью передать все богатство

¹ F. v. Erdmann. Die Schöne vom Schlosse. Muhammed (sic!) Nisameddin dem Gendscher nachgebildet. Kasan, 1832.

² Уже в первой строке название месяца Day принято за dī и переведено: «An einem gestern gleichen lichten Mondes-Tag».

³ H. W. Clarke. The Sikander Nāma'e Bara (sic!), or Book of Alexander the Great, written A. D. 1200, by Abū Muhammad bin Jūsuf bin Mu'ayyid-i Nizāmī'd-Dīn, translated for the first time out of the Persian into prose, with... remarks... preface... and life of the author. London, 1881.

⁴ H. W. Clarke. The Divān, written... by... Hafiz-i Shirāzī, 3 vols. Calcutta, 1891.

⁵ J. Hart. Divan der persischen Poesie. Halle, 1887, стр. 72—85. — В этом же томике есть и образчики Хакани, стр. 67—69.

⁶ J. Pizzi. Storia della poesia persiana, 2 vol. Torino, 1894.

⁷ C. B. Wilson. The Haft Paikar... by Nizāmī of Ganja, 2 vols. Probsthain Orient. Series, XI—XIII. London, 1924.

⁸ Так, описка переписчика, превратившего имя шаха, которому посвящена поэма, из Көрпа Арслана в Кызыл Арслана, заставила Wilson построить фантастическую теорию о связи Низами с Хорезмшахом Текешем (Перевод, т. II, стр. 25 и сл.).

⁹ Незами. Из книги «Хосров и Ширин». М., 1935.

¹⁰ Незами Гянджеви. Лейла и Меджнун. Гослитиздат, 1935.—Оба перевода, кроме того, напечатаны в сборнике «Восток», № 2 (Изд-во «Academia»), М., 1935.

Низами. Это всегда только бледное отражение тех ослепительных красок, которыми блещет оригинал.

Не отрицая необходимости стихотворных переводов, которые в случае удачи могут вырасти в крупные художественные произведения, я считал бы все же необходимым, на ряду с ними, опубликование прозаических переводов, выполненных художественной прозой, точно передающих оригинал и в комментариях вскрывающих все его мастерство. Эти переводы принесут громадную пользу для литературоведов как специалистов, так и для работающих в родственных областях.

О Низами писать в Советском Союзе будут много. Я очень боюсь, чтобы на основании однобоких стихотворных переводов у лиц, незнакомых с оригиналом, не сложилось совершенно превратное о нем представление. Переводы прозаические могут это предотвратить.

Не касаясь отдельных мелких отрывков из Низами, публиковавшихся в различных изданиях (переводы Е. Грузинского, Г. М. Птицына, автора этих строк и др.), укажу, что в настоящее время Институтом востоковедения Академии Наук СССР закончен первый полный филологический перевод всего наследия Низами на русский язык. В основу этого перевода был положен текст тегеранского издания, но в процессе работы привлекался наш обильный рукописный материал, а по мере подготовки нового критического текста перевод выверялся и по нему. Основная задача группы переводчиков была — передать Низами возможно более точно и близко к подлиннику, сохраняя в неприкосновенности все его своеобразные образы и метафоры. Однако при всем том переводчики избегали буквальности и старались передать Низами русским литературным языком, не прибегая к калькированию непонятных для русского читателя персидских оборотов. Этот перевод в дальнейшем сможет послужить надежным пособием для углубленной работы над Низами.

На ряду с русским переводом, в Баку выполнен полный прозаический перевод Низами на азербайджанский язык. Оба эти прозаические перевода служат базой для ряда поэтических обработок, в которых принимают участие лучшие силы Москвы, Ленинграда и Азербайджана. Ведется также работа по переводу Низами на языки братских народов Союза. Можно спокойно сказать, что за последние полтора года советскими учеными по переводу Низами сделано во много раз больше, чем за все полтора столетия существования востоковедения.

IV

Если так обстояло дело с изданием текстов и переводов, то не приходится удивляться, что исследование творчества Низами протекало еще более вяло. Если не считать мелких заметок, посвященных Низами в различных общих обзорах истории персидской литературы (Н. Ethé, E. G. Browne, P. Horn и др.), которые, конечно, могут дать только весьма скудную информацию и не претендуют на исследовательское значение, то, в основном, придется считаться только с четырьмя работами.¹

¹ Вскользь упомянуть можно не дающую решения вопроса заметку Jivanji Lamshe-dji Modi «The Date of the Death of Nizami» (Journal of the Bombay Branch of the R. Asiatic Society, 1907, № LX—LXII. Art. XI, pp. 143—150). Частично связаны с Низами: Th. Nöldcke. Beiträge zur Geschichte des Alexanderrömanes. Denkschr. der Wiener Akad. d. Wissensch., Bd. 38, 1880, pp. 1—56, и более старая работа: F. Spiegel. Die Alexandersage bei den Orientalen. Leipzig, 1851. — Лишь исторический интерес имеет статья В. В. Баргольда «Могила поэта Низами» (Записки Восточного отделения Российского археологического общества, т. XXI, 1912, стр. 24—36), покоящаяся на азербайджанской брошюре Мирзы Мухаммеда Ахундова «Шейх Низами» (Гянджа, 1909).

Первая из них — небольшая монография Bacher.¹ Автор ее не ставил себе задачу дать глубокий литературоведческий анализ творчества Низами. В то время это и не было еще возможно. Его задача скромнее — установить основные этапы жизни поэта, пользуясь показателями, почерпнутыми из его собственных произведений. В общих чертах с этой задачей автору справиться удалось. Главным несчастьем его было, однако, все то же отсутствие хорошего текста, с одной стороны, а с другой, — далеко недостаточное знание языка, не позволившее ему справиться с таким трудным автором, как Низами. Поэтому пользоваться сейчас указаниями Bacher без критической проверки уже невозможно. Исправления приходится вносить буквально на каждой странице, особенно в отношении различных собственных имен, иногда предстающих в форме, искаженной до неузнаваемости.

Еще большая беда этой работы в том, что жизнь Низами взята в полном отрыве как от исторического фона, так и от тех литературных связей, которые объединяют его поэмы с литературами Переднего Востока. Низами предстает перед читателем изолированным, оторванным от живой среды. Это влечет за собой крайнюю сухость и абстрактность изложения и, что, конечно, печальнее всего, делает работу лишенной исторической ценности. Мы требуем от истории литературы показа живого человека во всей его полноте. При огромном богатстве высказываний Низами это было вполне осуществимо, но в работе Bacher этого нет, да и понятно, что в то время этого нельзя было и ожидать.

Остальные три работы относятся к последним годам и ставят себе еще более узкие цели.

Houtsma² в небольшой заметке осветил вопрос о рукописях лирического дивана Низами. Нужно заметить, что до этой работы существование этого дивана вообще вызывало сомнения. Houtsma убедительно доказал, что три известные рукописи этого дивана (Bodleiana 618 и 619 и Berlin 691), во-первых, действительно, являются списками одного и того же сборника, а во-вторых, несомненно представляют собой подлинное произведение Низами. Таким образом после этой работы встал с полной очевидностью вопрос о необходимости издания этого сборника, что, теперь, наконец, осуществлено Вахидом. Анализа стиля лирики Низами Houtsma не дает.

Вторая работа — это весьма любопытная попытка Ritter³ осветить одну сторону поэтики Низами, а именно его систему сравнений и метафор. Сама постановка вопроса влекла автора в сторону несколько формального разрешения своей задачи. Этот формальный подход усугублялся еще и тем, что Ritter сознательно отказался от рассмотрения поэтики Низами в ее исторических связях. Понятно, что при современном состоянии науки нельзя было бы даже и требовать от автора рассмотрения генезиса образов, возникших в процессе длительного формирования литературного языка. Однако, вместе с тем, такой отрыв Низами от литературных связей и традиций повлек за собой и значительную абстрактность сделанных исследователем наблюдений. Ritter дает в этой работе много ценного, многое весьма метко определено им впервые, но при таком подходе ему, конечно, не удалось уловить специфики художественного метода Низами.

На этой работе также сказывается отсутствие критического издания, влекущее за собой неуверенность в определении того, характерен ли

¹ W. Bacher. *Nizami's Leben und Werke*. Leipzig, 1871.

² Houtsma. Some remarks on the diwan of Nizami. 'Ajab-nama (сборник в честь E. G. Browne), стр. 224—227.

³ H. Ritter. Über die Bildersprache Nizamis. Berlin, 1927 (рецензия: J. Rypka. Neue Streiflichter auf die persische Metapher. Orient. Zeitung, 1928, № 11, стр. 941—952).

описываемый прием именно для Низами, или же это позднейшая интерполяция.

Аналізу техники лирического дивана, выполненному на основании тегеранской его рукописи, посвящена прекрасная работа J. Рурка «Несколько новых газелей Низами Генджеви».¹ Она открывает новую страницу в изучении Низами, хотя и на небольшом участке, и дает обстоятельное исследование. Техника лирики Низами после нее становится вполне ясной.

Генезис сюжета «Фархад и Ширин» прослежен в работе другого чехословацкого ученого Н. Duda.² Не задаваясь целью подвергнуть полному исследованию поэму Низами, Duda ограничился установлением тех источников, которыми мог располагать Низами. Работа посвящена, собственно говоря, не столько Низами, сколько самому сюжету и, даже верней, одной части его — драматической коллизии поэмы. К исследованию приложено издание текста соответствующей ее части. Работа эта окажет последующим исследователям большую помощь. Выполнена она тщательно, с привлечением большого количества материала и может служить надежной опорой при изучении Низами.

Наконец, исключительно важные вопросы были намечены покойным Ю. Н. Марром, начавшим издание специальной серии «Хакани — Низами — Руставели».³ В задачу этой серии входило осветить взаимоотношения этих авторов и показать связь Низами с кругом закавказской литературы. Только такой знаток всех литератур Закавказья мог взяться за работу над этими исключительно трудными, но вместе с тем обещающими пролить совершенно новый свет на творчество Низами, вопросами. К сожалению, преждевременная кончина Ю. Н. Марра оборвала это начинание. Первый выпуск сборника вышел в свет как раз в день его смерти. Хотя в этом выпуске проблема Низами еще не затрагивается (она должна была быть освещена в следующих выпусках), но целый ряд ценных исторических деталей, необходимых для освещения эпохи в целом, уже выявлен и здесь и позволяет наметить пути дальнейшей работы.

V

Если отвлечься от разных мелких заметок,⁴ освещение которых не входит сейчас в мои задачи, то перечисленным исчерпываются все более крупные работы, имеющиеся в настоящее время по интересующему нас вопросу. Как видно, сделано довольно много, тема привлекала к себе исследователей, но все же почти ни один вопрос не получил окончательного разрешения. Вместе с тем, беглый анализ проделанных работ, мне кажется, неумолимо говорит об одном: первое и необходимое условие, от которого зависит весь ход дальнейших работ — это критическое документальное издание текста. Без него исследования повиснут в воздухе, так же как висит в воздухе большинство упомянутых здесь работ.

Наша задача — воспользоваться юбилеем Низами для того, чтобы решительно двинуть вперед изучение бессмертных творений нашего великого соотечественника. Без твердой базы это невыполнимо. Поэтому решение

¹ Čand ghazal-i rāza az Nižāmī-yi Ganjāyī (на персидском языке), журн. «Армаган», т. XVI, вып. 1, 1935.

² Н. W. D u d a. Ferhad und Schirin. Die litterarische Geschichte eines persischen Sagenstoffes von. . . Monografie Archivu Orientalního, Bd. II, Praha, 1933.

³ Вып. 1, Л., 1935.

⁴ В процессе подготовки к юбилею в советской прессе появился ряд статей популярного характера, особенно много появилось их за последний год на азербайджанском языке.

об издании текста Азербайджанского филиала Академии Наук, организовавшего эту огромную работу, нужно всячески приветствовать. Не сомневаясь в том, что юбилейные дни подарят нам много ценных и глубоких исследований, я все же полагаю, что на данном этапе наибольшую услугу успешному развитию дальнейшей работы окажет именно издание текста и его научного перевода. Очередная работа — составление полного словаря Низами. При наличии этих трех фундаментальных пособий исследователи будут уже снабжены таким техническим аппаратом, который позволит им действовать в дальнейшем вполне уверенно.
